

* * *

Николаю Ивановичу Тряпкину

Дано нам жить под вечным небом –
у верной Родины в горсти,
чтоб, умирая, русским хлебом
по всем окопам прорасти.

Как сеятель в часы восхода,
Любовь,
что Господом дана,
бросает только в чрево рода
свободы вечной семена.

* * *

Где мосты сожжены и деревни погублены,
и где воздух тлетворный бесплоден и слеп,
где могучие руссы под корень подрублены,
там цветёт наш корявый, безрадостный хлеб.

И где катит тягуче – с последними силами
смерть-старуха свой крест – на скрипучей оси,
окопалась земля родовыми могилами
среди глада и мора великой Руси.

КАРТА МИРА

Ладонь, как танк, пылит по карте старой, –
земля бугрит, горит со всех сторон.
Ведь направленье главного удара
пульсирует со сталинских времён.

Я слышу голоса – и днём и ночью, –
накатывают – вал за валом вслед.
И вещей гул прадедовых побед
в моей крови крепчает с новой мощью.

Чем наяву страны хребет слабее,
народа меньше – чем толпы пустой,
тем круче верю в путь Её святой,
грядущей славы отзвук всё яснее.

И чем страшней, отверженнее лица
героев и поэтов, и вождей,
тем путь светлей, – на звёздах штык-ножей
небесный воздух снова шевелится.

Издравле клином вышибают клин,
кулачным боем разминают мышцы.
Упруги стали русские границы, –
звучит приказ короткий – «На Берлин!».

* * *

Я без тебя не пропадаю
И о разрыве не жалею,
И из окна не вылетаю,
Как птица крыльями не вею.

Я не болею, не бледнею,
Не загниваю и не таю,
Я даже, в общем, не старею...
Лишь вдруг, как мамонт, вымираю.

* * *

На губах, овдовев, отцвели поцелуи,
Как застывшие бабочки канули в прах.
И святится в слезе, на ресницах танцую,
Твоё долгое имя на звонких ногах.

Остальное лишь тлеет и в памяти тонет.
И глаза наливаются небом седым.
Лишь, за воздух, хватаясь, упрямо ладони
Вспоминают родное и близкое им.

И я слышу твой голос в тюремном оконце,
Сбережённый, как ржавого хлеба ломоть.
И сквозь щели в душе незнакомое солнце
Наполняет печалью притихшую плоть.

И становится странно легко. И немая
Песнь о волюшке с губ отлетает, как дым.
И друг к другу мы рвёмся, судьбу принимая,
Всё как есть понимаем. И в стену глядим.

* * *

Я бегу против стрелки часов,
против хода вращения земли.
Чтобы вырвать из бездны веков
душу той, что мерцает вдали.

Она светит со дна, как звезда,
отражённая чёрной водой.
– Между нами беда-лебедь,
не сдавайся, останься со мной.

Сколько было растрачено слов!
Память гонит нас сквозь решето.
Если мы позабудем любовь,
на земле нас не вспомнит никто.

Длинный посох достанется мне,
помело с рукоятью тебе.
И узнать нас не сможет во тьме
наша дочка – сама по себе...

* * *

Сказал в запале – резано и круто.
Обидел, аж волной пошли круги...
Метнула взгляд пронзительный, как будто
сорвался сокол с брошенной руки.

Захотела жутко и нелепо,
в зрачках сверкнули рысьи огоньки.
И треснул мир, как дом, как будто не был...
И рухнул в бездну горя и тоски.

Жизнь кончилась. Глухи слова отныне.
Кричит обида-дева даже днём.
Любовь забила в щель. Одна гордыня
сжигает души адовым огнём.

И каждый прав – на том и этом свете,
готов ввязаться в настоящий бой...
Родная, спи, родная, спи, – ведь это
всё не про нас, всё не про нас с тобой...

* * *

жене

Твои губы во тьме различаю...
Но во мраке венчальной свечи –
на земле не тебя я встречаю,
а твоё отраженье в ночи.

Поразбросаны лучшие годы
сзади, сбоку, – и нет им числа...
Что тебе, неземная, угодно,
чтоб – не только во сне – ты была?

Приходи, – жёлтый волос по ветру,
так похожа лицом на жену...
Разнесём весть по белому свету,
а о чём, – сам пока не пойму...

Будем жить мы с тобой в рукавице,
в той, что в сказке лежала века.
Одинок я, как пение птицы,
и свободен, как мысль дурака...